
ТАША ВЕЙР
ТОЧКА ВЫХОДА
Хроники Новой Земли. Книга 1

Таша вейр

Точка выхода. Хроники новой земли

https://litres.ru/75047788
SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре женщины до неё сгорели дотла. Мира должна была стать пятой.

Ещё вчера она была обычным сорокапятилетним аналитиком в рушащемся мегаполисе — без связи, без денег на обнулённых счетах, но с ясной головой и привычкой выживать. Сегодня её путь лежит в лютые морозы Алтая, на закрытое плато Укок.

Там, за колючей проволокой секретного Сектора, куратор программы «Камертон» десятилетиями пытается поставить на колени живую силу Земли. Для него Мира — всего лишь очередная «батарейка», расходный материал. Но у этого материала есть стальной характер, острый ум и те, кого нужно защитить любой ценой.

Рядом — молчаливый проводник Кай с тяжёлым прошлым, офицер спецотдела, посмевший предать Систему, и горстка людей, ставших семьёй.

Старый мир агонизирует. Чтобы уцелеть и дать шанс новому, Мире придётся перестать бежать, войти в поток и разбудить Хранителей, спавших под Землёй Русской тысячу лет.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Сбой в матрице 9
Глава 2. Обнуление 21
Глава 3. Мотоцикл в ночи 33
Глава 4. Лихорадка 44
Глава 5. Первый импульс и дневник 53
Глава 6. Спуск на байке 62
Глава 7. Сон на снегу 73
Глава 8. Кристалл 82
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Таша вейр
Точка выхода.
Хроники новой земли

Пролог

Глубоко под каменными хребтами Алтая, там, где базальт и гранит хранят память о первых рассветах планеты, время течёт не минутами и не веками — оно меряется ударами огромного, неторопливого сердца.

Тысячу лет назад Хранители Земли Русской ушли в сон. Они не бежали и не прятались — они отступили в глубину породы осознанно, притушив свой древний огонь до тихого, едва уловимого пульса в семь с половиной герц. Человечеству предстояло пройти собственный путь эволюции: вслепую, наощупь, через ошибки, гордыню, падения и редкие вспышки прозрения. Невозможно научить ребёнка ходить, если вечно держать его на руках; невозможно вырастить океан, если не дать каждой капле самой пробить дорогу сквозь камень.

Хранители спали, слушая, как наверху меняются эпохи. Как на месте древних троп вырастают бетонные города, как

люди забывают язык ветра и воды, пытаясь запереть живую силу мира в мёртвые схемы, формулы и железные контуры.

Но в любой системе накопления опыта наступает критический предел. И за двадцать два года до начала конца старого мира в толще плато Укок впервые дрогнул тревожный, обжигающий импульс.

14 ноября 2004 года. Закрытый сектор «Укок-4», глубина сорок метров.

Лампы дневного света под бетонным сводом мигнули и лопнули с сухим стеклянным звоном, осыпав белыми искрами приборные стойки. Воздух в аппаратной мгновенно стал тяжёлым, наэлектризованным, пахнущим озоном и горелой изоляцией.

— Частота уходит за пределы шкалы! — выкрикнул старший оператор, вцепляясь побелевшими пальцами в край пульта. — Владимир Сергеевич, контур не держит! Надо сбрасывать нагрузку, она сгорит!

Куратор программы «Камертон» Воронцов не сдвинулся с места. Сорокалетний, сухопарый, в безупречно отглаженном сером костюме, он стоял у бронестекла, заложив руки за спину, и смотрел вниз — в круглую бетонную камеру, где на холодном полу корчилась молодая рыжеволосая женщина.

— Продолжать подачу, — ровно, без тени эмоции произнёс Воронцов. — Четвёртая итерация почти вышла на резонанс. Ещё три процента — и мы получим управляемое ядро.

— Вы её убьёте! — рявкнул голос у самой двери.

Тяжёлая стальная створка аппаратной распахнулась с лязгом, от которого зазвенело в ушах. На пороге стоял двадцатипятилетний капитан спецотдела Кай — в чёрном полевом свитере, с ссадиной на скуле и бешеными, потемневшими от ярости глазами. Двое охранников на входе даже не успели перехватить его: Кай одним движением отшвырнул первого к стене и рванулся к пульту аварийного сброса.

— Назад, капитан! — ледяной голос Воронцова хлестнул по нервам, как удар плетью.

В ту же секунду невидимая волна давления швырнула Кая на колени. Воронцов даже не повернул головы — лишь чуть сжал пальцы правой руки в чёрной кожаной перчатке, прижимая бойца к бетону чужим, искусственным контуром.

— Смотри и запоминай, Кай, — тихо сказал куратор, глядя сквозь стекло. — Ты курировал её полгода. Запомни, что бывает с материалом, который пытается сопротивляться Системе.

За толстым бронестеклом Айна медленно подняла голову. Её рыжие волосы прилипли к мокрому от пота лбу, из-под ресниц текли тёмные дорожки крови, а в зелёных глазах, вокруг которых разгорался нестерпимый золотистый ободок, больше не было страха.

Она посмотрела прямо на Кая — не как подопытный на конвоира, а так, словно видела его насквозь, на двадцать два года вперёд.

А потом, вместо того чтобы биться в стенах камеры, Ай-

на опустила окровавленную правую ладонь прямо на голый, промёрзший бетон пола, соединённый с каменной толщей плато.

Внутри стеклянной колбы вспыхнул белый, беззвучный свет.

Приборы на стойках завыли и погасли один за другим, выплёвывая снопы синих искр. Воронцов впервые дёрнулся назад, прикрывая лицо рукой, а давление, прижимавшее Кая к полу, исчезло.

Кай вскочил и бросился к шлюзу камеры, срывая замки голыми руками, но было уже поздно. Когда тяжёлая дверь откатилась в сторону, внутри пахло только озоном, пеплом и горным снегом. Четвёртая итерация матрицы сгорела дотла, оставив на бетоне лишь тёмный след выжженной ладони.

Никто в аппаратной не услышал того, что услышала в ту секунду древняя, спящая гора на глубине трёхсот метров под ними.

Слабый, прощальный импульс ушедшей женщины прошёл сквозь бетон и гранит, коснулся сонных Хранителей в самом сердце Алтая и оставил в каменной памяти Земли короткий, чёткий код:

«Я не удержала. Но та, что придёт пятой, не сгорит. Она вспомнит, кто она».

Под сводами Укока медленно, словно после долгого сна, дрогнул первый глубокий удар подземного сердца.

До точки выхода оставалось двадцать два года.

Глава 1. Сбой в матрице

Итальянский кофе-пойнт в холле двадцать третьего этажа стоил как подержанная иномарка, но с утра пораньше выдавал исключительно мочу молодого дермантина. Мира нажала на сенсорный экран длинным, аккуратно подпиленным ногтем оттенка спелой вишни. Машина обиженно загудела, мигнула зелёным глазом и замерла. На чёрном дисплее вместо привычного «Готовим ваш американо» всплыла тонкая, режущая глаз белая полоса. Без текста. Без кода ошибки.

— Ну давай, не сегодня, — пробормотала она, поправляя у лица прядь рыжего каре. Укладка держалась идеально, шелковая блуза цвета слоновой кости сидела как влитая, а в папке под мышкой лежал квартальный отчёт, на который ушло три недели бессонных ночей. До защиты перед советом директоров оставалось двенадцать минут. Аппарат дёрнулся, хрипло рявкнул и с силой выплюнул порцию бурого кипятка прямо мимо стаканчика.

Горячие брызги полоснули по тыльной стороне ладони и расцвели безобразными рыжими кляксами на левом рукаве блузки.

— Твою ж... — Мира отскочила, тряся обожжённой рукой. Кожу мгновенно запекло, маникюр чудом не пострадал, но манжета была безнадёжно испорчена. Отличный старт

дня, в который решалась судьба её годового бонуса — а значит, и досрочного платежа по ипотеке, висевшей на шее тяжёлым бетонным блоком.

Времени переодеваться не было. Она схватила со стойки пачку бумажных салфеток, промокнула рукав, закатила его до локтя — будто так и задумано, лёгкая небрежность деловой женщины — и быстрым шагом направилась в переговорную. Каблуки звонко отбивали ритм по керамограниту. Сорок пять лет — это возраст, когда ты уже не бегаешь суетливо, а идёшь так, словно опоздание входит в твой стратегический план. В переговорной пахло дорогим парфюмом, кондиционированным воздухом и чужими амбициями. Семь человек за длинным столом из тёмного ореха лениво листали распечатки. Финансовый директор, грузный мужчина с вечно красным лицом, даже не поднял головы, когда Мира подключила ноутбук к проектору.

— У вас десять минут, Мирослава, — бросил он, поднося к губам стакан с водой. — Сразу к прогнозам на четвёртый квартал. Без лирики.

— Без лирики, так без лирики, — ровно ответила она, чувствуя, как на затылке собирается липкий, неприятный холодок. Недосып. Три чашки пуэра на голодный желудок и четыре часа сна за двое суток. Ничего, сейчас адреналин включится, и мозг заработает как швейцарские часы.

Мира кликнула мышкой. На экран выплыл первый график.

— Если мы посмотрим на динамику оттока в сегменте B2B, то увидим...

Фраза оборвалась в горле.

Звук в комнате исчез. Не приглушился, не ушёл в вату — его просто выключили щелчком тумблера. Исчез тихий гул кондиционера, шелест бумаги, стук каблуков в коридоре за стеклянной стеной.

Мира моргнула, сбитая с толку.

Финансовый директор замер со стаканом у самого рта. В толстом стекле застыла капля воды, готовая сорваться вниз, но висящая в воздухе вопреки законам гравитации. Напротив него молодая ассистентка застыла с приоткрытыми губами и поднятой ручкой. Даже пылинки в косом луче солнца, пробивавшемся сквозь жалюзи, перестали танцевать и повисли в пространстве мёртвой, неподвижной взвесью.

Мир поставили на паузу.

Сердце пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в район желудка, гулко застучав в висках. Мира судорожно вцепилась пальцами в край стола — холодный лак врезался в подушечки пальцев. Она попыталась вдохнуть, но грудную клетку словно стянуло железным обручем.

Инсульт, — мелькнула ледяная, чёткая мысль аналитика. — Микроинсульт или спазм сосудов. Сейчас начнётся перекос лица, надо дотянуться до телефона...

Щёлк.

Капля сорвалась со стакана и глухо шлёпнулась на стол.

Кондиционер снова заурчал, ассистентка моргнула и чиркнула ручкой в блокноте, а финансовый директор с шумом отхлебнул воду.

— ...то увидим, что пик пришёлся на сентябрь, — машинально выдала Мира, сама не узнавая собственный голос. Он звучал ровно, уверенно, без единой нотки паники. Тело сработало на мышечной памяти, пока мозг судорожно переваривал случившееся. Остаток презентации прошёл как в тумане. Она отвечала на вопросы, щёлкала слайдами, кивала и даже пошутила в нужный момент, вызвав одобрительный смешок у коммерческого директора. Никто ничего не заметил. Никто не замер, не схватился за сердце, не огляделся по сторонам.

Только у самой Миры под шелковой блузкой по спине медленно ползла холодная капля пота.

В дамской комнате было пусто и стерильно тихо.

Мира заперла дверь на защёлку, подошла к длинной мраморной раковине и включила ледяную воду. Подставила запястья под тугую струю, пытаясь унять мелкую, предательскую дрожь в пальцах.

— Соберись, тряпка, — сказала она своему отражению. — Обычная вегетососудистая дрянь. Пересидела за таблицами, перепила кофе, давление скакнуло. Вечером — ванна, магний и спать в девять.

Из зеркала на неё смотрела ухоженная, эффектная жен-

щина с идеальным контуром губ и чуть побледневшими скулами. Рыжие пряди у лица слегка растрепались, в зелёных глазах стояла усталость, которую не перекрывал даже дорогой консилер. Она наклонилась, чтобы промокнуть лицо бумажным полотенцем, и краем глаза зацепила движение в глубине зеркала.

За её спиной, у самой двери в кабинку, стоял мужчина.

Мира вздрогнула и резко обернулась.

Пусто. Двери всех четырёх кабинок были приоткрыты, свет горел ровно, белая плитка сверкала безупречной чистотой. Ни души.

Она медленно повернулась обратно к зеркалу. Мужчина всё ещё был там. Он стоял в двух шагах позади неё. Высокий, сухощавый, в идеально выглаженном сером костюме-тройке, сером галстуке и белой рубашке. Лицо — самое обычное, славянское, лет сорока, с гладко зачёсанными русыми волосами. Но было в нём что-то, от чего у Миры мгновенно заныли зубы. Отсутствие мимики. Ни одной морщинки вокруг глаз, ни тени любопытства или смущения от того, что он находится в женском туалете. Он просто смотрел ей в затылок пустым, плоским взглядом человека, который разглядывает неживой предмет.

Мира затаила дыхание, боясь моргнуть.

В зеркале мужчина чуть наклонил голову набок — синхронно, без малейшего напряжения мышц — и сделал шаг вперёд.

Лампы дневного света под потолком коротко мигнули. Изображение в стекле дёрнулось, словно старая видеокассета, и мужчина исчез.

Мира вылетела из туалета так, что едва не снесла курьера с коробками в коридоре. До своего кабинета она дошла на ватных ногах, сгребла в сумку ноутбук, телефон и ключи, даже не выключив компьютер. Секретарше на ресепшене бросила короткое: «У меня мигрень, буду на связи», — и почти бегом спустилась на парковку.

К вечеру город накрыл противный ноябрьский моросящий дождь.

Мира решила не садиться за руль — руки всё ещё мелко подрагивали, а концентрация внимания была на нуле. Оставила машину на офисной парковке и пошла к метро пешком, кутаясь в кашемировое пальто и стараясь не смотреть по сторонам. Свежий воздух должен был проветрить голову.

Но становилось только хуже.

Проходя мимо стеклянной витрины бутика, она машинально скользнула взглядом по своему отражению — и споткнулась на ровном месте. В стекле, в отражении противоположной стороны улицы, среди спешащих домой прохожих в пуховиках и куртках, неподвижно стояли двое.

Двое мужчин в одинаковых серых костюмах. Без зонтов. Без пальто. Мокрый снег и дождь стекали по их безупречным пиджакам, а они даже не щурились.

Мира резко развернулась, вглядываясь в толпу на той сто-

роне проспекта. Там никого не было. Только женщина с коляской, парень в ярко-жёлтом дождевике доставщика и поток машин с включёнными фарами.

Она повернула голову обратно к витрине. В стекле двое в сером всё ещё стояли на тротуаре — и теперь оба смотрели прямо на неё.

Мира сжала ремешок сумки так, что костяшки пальцев побелели, опустила голову и почти побежала к спасительному зелёному свету метро, повторяя про себя как мантру: Это галлюцинации. Это просто переутомление. Сейчас доеду до дома, позвоню Славе, она меня высмеет, и всё пройдёт.

Замок входной двери щёлкнул дважды — сухо, металлически, знакомо. Этот звук всегда действовал на Миру как укол новокаина: снаружи оставались дедлайны, чужие амбиции и гул проспекта, а здесь, за стальной створкой, начиналась её личная территория. Её крепость. Пусть ещё на двенадцать лет в залоге у банка, но выстраданная каждым квадратным метром.

В прихожей пахло её любимым диффузором — инжиром и кедром — и чуть-чуть пылью, до которой в будни не доходили руки. Мира прислонилась спиной к холодной двери и закрыла глаза. В ушах всё ещё стоял гул вагона метро, назойливое дребезжание поручня и мерный стук колёс, от которого к вискам подступала тупая, пульсирующая боль.

Она сбросила мокрые лодочки, стянула пропитавшееся сыростью кашемировое пальто и на цыпочках — словно боясь спугнуть хрупкую тишину квартиры — прошла на кухню. Включила только подсветку над столешницей. Мягкий тёплый свет выхватил из полумрака глянцевые фасады, медную турку на плите и половину чёрного бородинского хлеба в плетёной хлебнице. Мира открыла холодильник, достала початую бутылку сухого белого, плеснула в высокий бокал и сделала два жадных глотка. Холодное вино обожгло горло кислинкой и пошло по пищеводу, медленно разжимая тугой спазм в солнечном сплетении.

Пальцы на ножке бокала всё ещё мелко подрагивали. Если прислушаться, в груди билось неровно, с перебоями, словно мотор старой машины на холостых оборотах. Мира взяла со стола телефон, разблокировала его длинным вишнёвым ногтем и нажала на быстрый вызов.

Длинные гудки тянулись целую вечность. На четвёртом в трубке раздался бодрый, чуть хрипловатый голос, на фоне которого шкварчала сковородка и бубнил телевизор: — Алло! Мир и Слава на проводе, что за пожар в пятницу вечером? Ты же вроде на совете директоров отстрелялась?

От одного этого знакомого, живого голоса у Миры предательски защипало в носу. Внезапно накатила такая дикая, свинцовая усталость, что захотелось просто сесть прямо на холодный керамогранит кухни и разреветься, как в двадцать лет после проваленной сессии.

— Привет, Слав, — Мира выдавила из себя усмешку, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как на планёрке. — Слушай, у меня к тебе вопрос как к человеку с трезвым умом. Если я в сорок пять лет начинаю видеть людей в витринах, которых на самом деле нет, — это уже пора вызывать санитаров или достаточно выпить пустырника? На том конце провода что-то глухо стукнуло — Слава явно отставила сковородку с огня. Шкварчание стихло.

— Так. Стоп. Давай без твоих фирменных шуточек, — тон подруги мгновенно стал серьёзным, материнским. — Что случилось? Голова кружится? Мушки перед глазами?

Давление мерила?

— Да не мерила я ничего, у меня даже тонометра нет, я же не бабка, — огрызнулась Мира, но тут же сдулась, проведя ладонью по лицу. Кожа горела, а кончики пальцев оставались ледяными. — Просто… на презентации меня накрыло. Как будто звук выключили и все замерли. На секунду, не больше. А потом в туалете и у метро мне мерещились какие-то мужики в одинаковых серых костюмах. В отражениях.

Поворачиваюсь — никого.

В трубке повисла пауза. Слышно было, как Слава тяжело вздохнула и чиркнула зажигалкой, прикуривая у открытой форточки.

— Мирка, ты дура набитая, прости господи, — выдохнула она вместе с дымом. — Ты когда последний раз спала нормально? Не по четыре часа с телефоном в руке, а по-челове-

чески? Ты же три недели этот отчёт грызла, на одном кофе и энергетиках сидела. У меня у сестры в прошлом году то же самое было после годового закрытия: паническая атака плюс спазм сосудов. Мозг перегрелся и начал тебе мультики крутить, чтобы ты наконец тормознула!

Мира прикрыла глаза, вслушиваясь в уверенную, земную логику подруги. Как же ей хотелось в это поверить. Каждой клеткой.

— Думаешь, правда сосуды?

— Уверена на сто процентов! — отрезала Слава. — Завтра суббота. Никаких ноутбуков, слышишь? Утром идёшь к неврологу, делаешь УЗИ шеи, пьёшь магний и спишь до обеда. А сейчас — в горячий душ, выпей два пустырника и в кровать. Если завтра к вечеру не отпустит, я сама к тебе приеду с коньяком и тонометром.

Договорились?

— Договорились, — выдохнула Мира. Камень внутри словно раскололся, стало легче дышать. — Спасибо, Слав. Извини, что напугала. — Да иди ты. И телефон на беззвучный поставь!

После горячего душа тело наконец обмякло. Тугие узлы в плечах и пояснице понемногу отпускали, кожа пахла миндальным гелем, а влажные рыжие пряди приятно холодили шею. Мира натянула мягкую хлопковую пижаму, заварила ромашковый чай и побрела в спальню.

Слава права. Обычное выгорание. Организм не железный — сорок пять лет, постоянный стресс, страх не потянуть платежи, вечная гонка за результатом. Вот психика и выкинула белый флаг. Завтра она отоспится, запишется на массаж, купит этот чёртов магний — и к понедельнику от сегодняшнего кошмара не останется и следа.

В спальне было темно и прохладно. За окном шелестел мелкий ноябрьский дождь — в стекло то и дело мягко, с тихим стуком бились тяжёлые капли, размазывая оранжевые огни уличных фонарей в дрожащие акварельные кляксы.

Мира поставила кружку с ромашкой на тумбочку, подошла к панорамному окну шестнадцатого этажа и потянулась рукой к плотной портьере, чтобы задернуть её на ночь.

Взгляд машинально скользнул вниз, на мокрый асфальт двора.

Движение руки оборвалось на полпути.

Прямо под тусклым конусом фонаря у подъезда, в пяти метрах от припаркованных машин, стояли трое.

Мира вжалась лбом в холодное, вибрирующее от ветра стекло, щурясь в полумраке. На шестнадцатом этаже лица разглядеть было невозможно, но ей и не требовалось. Она узнала их сразу — по неестественной, струнной прямизне спин и по одинаковым, идеально сидящим серым костюмам, которые не мялись и не темнели под косым осенним дождём.

Они стояли без зонтов и без пальто, плечом к плечу, абсолютно неподвижно. Мимо них пробежал мужчина с пакетом

из супермаркета, вжимая голову в плечи от ледяного ветра, — прошёл в полушаге и даже не покосился в их сторону. Будто их там не было.

Но они были. Не в зеркале. Не в витрине. На мокром асфальте её собственного двора.

Холодная испарина мгновенно выступила на спине под мягким хлопком пижамы.

Ромашковый чай на тумбочке показался вдруг бессмысленной, жалкой бутафорией. Словно почувствовав её взгляд сквозь шестнадцать этажей темноты и дождя, все трое одновременно подняли головы.

Свет фонаря выхватил из мрака три бледных, совершенно одинаковых овала лиц — без теней, без эмоций, без единого движения. Они смотрели прямо на неё. В её окно. А потом один из них медленно поднял руку и нажал на кнопку домофона у двери её подъезда.

Глава 2. Обнуление

Трель домофона так и не прозвучала.

Мира простояла у окна в спальне, не шевелясь, пока не затекли икры, а в пальцах, до боли сжимавших рукоятку тяжелого шеф-ножа с кухни, не заныли суставы. Серые у подъезда исчезли так же внезапно, как появились: стоило ей на секунду моргнуть, утерев выступивший на лбу холодный пот, как конус жёлтого света под фонарём опустел. Ни шагов по мокрому асфальту, ни хлопка тяжёлой подъездной двери, ни звука отъезжающей машины.

Остаток ночи она провела в прихожей, сидя в кресле напротив входной двери. В ушах звенела гулкая, ватная пустота; каждый шорох лифта за стеной или треск остывающей батареи заставлял сердце подпрыгивать к самому горлу. К утру тело налилось свинцовой тяжестью, во рту стоял горький привкус остывшей ромашки и ночного страха, а под глазами, даже без зеркала, ощущались тяжёлые, припухшие мешки. В 08:17 экран телефона на тумбочке вспыхнул холодным белым светом. Звонила Диана из отдела кадров.

Мира схватила трубку раньше, чем закончился первый гудок. Внутри шевельнулась глупая, почти детская надежда: сейчас ей скажут про корпоративный сбор, про перенос планёрки, про что угодно обычное, земное, подтверждающее,

что мир не сошёл с ума.

— Да, Диана, доброе утро, — голос прозвучал хрипло, словно она всю ночь кричала на ветру.

— Доброе утро, Мирослава Сергеевна, — ответила Диана. Интонация была ровной, гладкой, без привычной утренней суеты или дежурного дружелюбия. Будто говорил автоответчик с хорошо поставленной дикцией. — Информирую вас, что трудовой договор с вами расторгнут с сегодняшнего дня по инициативе работодателя. Ваши пропуска аннулированы, доступ к корпоративной почте и серверам закрыт. Документы и обходной лист высланы курьером. Всего доброго.

В трубке раздались короткие гудки.

Мира несколько секунд смотрела на погасший экран, не в силах сложить слова в единый смысл. Мозг, привыкший просчитывать риски на три квартала вперёд, просто отказался принимать входящие данные.

Что? Какое расторжение? У меня вчера защита бюджета прошла на ура. Финансовый директор лично руку пожал. Да по Трудовому кодексу меня без предупреждения и двух окладов уволить невозможно, я же не курьер на испытательном сроке!

Она нервно усмехнулась, провела дрожащей ладонью по рыжим волосам, ощущая, как под кожей головы закипает колючая, злая волна. Розыгрыш. Или технический сбой в их новой автоматизированной HR-системе — айтишники вечно что-то криво обновляют по пятницам. Сейчас она откро-

ет ноутбук, зайдёт в рабочую почту…

Ноутбук на кухонном столе встретил её чёрным экраном входа с красной плашкой:

«Учётная запись не найдена. Обратитесь к администратору».

Мира набрала номер финансового директора. Гудки шли, тянулись долго, нудно, но никто не брал трубку. Позвонила в приёмную — «Абонент временно недоступен». Написала в рабочий чат в мессенджере, но сообщение даже не ушло: рядом с текстом застыл серый значок часов, а список участников группы на глазах съёжился до одного имени — её собственного.

В груди начало медленно, противно холодеть. Не страх — пока ещё нет. Тупое, вязкое недоумение, от которого немеют кончики пальцев и перехватывает дыхание. Будто ты всю жизнь строила дом из тяжёлого кирпича, проверяла каждый шов, платила по счетам до копейки — а утром проснулась на голом пустыре, и даже фундамента не осталось.

— Бред, — вслух сказала Мира пустой кухне. Звук собственного голоса показался чужим, глухим. — Какой-то идиотский, массовый глюк. Сейчас выйду на воздух, выпью нормального кофе, и всё встанет на места.

Чтобы не раскиснуть окончательно, она заставила себя пройти весь утренний ритуал. Контрастный душ, лёгкий тон на лицо, чтобы скрыть синеву под глазами, капля любимых

духов на запястья, безупречное бежевое пальто и замшевые ботильоны на устойчивом каблуке. Доспехи. Пока ты выглядишь как человек, который держит жизнь за горло, жизнь не посмеет тебя сожрать.

На улице было сыро и промозгло. Ветер гнал по серому асфальту жёлтые листья и мелкую водяную пыль. У подъезда никого не было — только дворник в оранжевом жилете лениво скреб метлой бордюр, да у соседнего дома грела мотор чья-то старая «Шкода». Обычное, до зевоты скучное субботнее утро.

Мира вдохнула холодный воздух полной грудью, и спазм в груди чуть отпустил. Ну вот же. Никаких серых теней. Просто хакерская атака на серверы компании или сбой связи.

Она свернула за угол, в небольшой фермерский магазинчик на первом этаже соседней высотки, куда заходила каждые выходные за свежим бездрожжевым хлебом и зёрнами для кофемолки. Внутри пахло сдобой, ванилью и молотым арабикой — тёплый, уютный запах нормальной жизни, от которого на секунду защемило в груди. Мира взяла с полки ещё тёплую, хрустящую буханку в крафтовом пакете, пачку любимой арабики и бутылку минералки. Подошла к кассе, выложила покупки на ленту. За ней тут же пристроился мужчина в пуховике с двумя упаковками яиц и женщина с капризничающим ребёнком в коляске.

— Пакет нужен? — устало спросила кассирша, девушка лет двадцати с синими тенями на веках, лениво пикая ска-

нером.

— Нет, спасибо, у меня сумка, — улыбнулась Мира, доставая из кошелька чёрную премиальную карту. — Оплата картой.

— С вас девятьсот сорок рублей. Прикладывайте.

Мира приложила пластик к терминалу. Аппарат коротко пискнул, задумался на пару секунд и выдал противный, резкий треск. На маленьком экранчике загорелось:

«ОТКАЗ. КАРТА ЗАБЛОКИРОВАНА».

— Ой, простите, наверное, сбой терминала, — автоматически сказала Мира, чувствуя, как к щекам приливает тепло. — Давайте ещё раз.

Снова писк. Снова «ОТКАЗ».

— Девушка, у вас карта в стоп-листе, — без всякого сочувствия сообщила кассирша, бросив быстрый взгляд на её идеальный вишнёвый маникюр и кашемир. — Другой оплатите.

— Да как в стоп-листе, я вчера ею расплачивалась… — Мира судорожно полезла в кошелёк, достала кредитную карту другого банка с лимитом в полмиллиона. — Вот, давайте этой.

Терминал хрюкнул мгновенно: «СЧЁТ НЕ НАЙДЕН».

За спиной громко, демонстративно вздохнул мужчина с яйцами. Ребёнок в коляске заныл громче, требуя сок. В тихом торговом зале этот писк терминала звучал как выстрел, приковывая к ней взгляды всех, кто стоял у прилавков.

Мира почувствовала, как по шее и ушам разливается обжигающий, липкий жар. Позор. Дикий, унизительный стыд из тех, что бывают только в кошмарных снах, когда ты приходишь на важное совещание в нижнем белье. Трясущимися пальцами она открыла мобильный банк на телефоне — и замерла. Приложение выкинуло её на стартовый экран, а при попытке ввести номер телефона выдало красную строку: «Клиент с такими данными не зарегистрирован». Ни основного счёта. Ни кредитки. Ни вклада, куда она три года откладывала «подушку безопасности». Ноль. Пустота. Будто её никогда не существовало в банковской системе страны.

— Женщина, ну вы будете платить или нет? — не выдержал мужчина сзади, переступая с ноги на ногу. — Очередь же держите.

— Я… у меня наличных нет, — выдохнула Мира. Голос сорвался, стал тонким, жалким. Она посмотрела на тёплую буханку хлеба на ленте — ту самую, пахнущую тмином и корочкой, за которую ей впервые в жизни нечем было заплатить. — Извините.

Отмените, пожалуйста.

Кассирша закатила глаза, раздражённо щёлкнула клавишами, сгребла её хлеб и кофе в корзину для возврата и громко крикнула в зал:

— Галя! Сделай отмену на второй кассе!

Мира выскочила из магазина на ледяной ветер, глотая ртом сырой воздух, словно задыхалась. Сердце колотилось

где-то в горле, в ушах шумела кровь, а руки дрожали так сильно, что она не сразу смогла застегнуть пуговицу на пальто.

Это не сбой. Хакеры не стирают человека одновременно из HR-базы корпорации, из трёх разных банков и из списка существовавших когда-либо клиентов.

Кто-то аккуратно, методично, одним щелчком вырезал её из жизни, как ножницами вырезают фигурку из бумажного листа.

Мира почти бежала по мокрому тротуару в сторону центрального отделения банка, сжимая телефон так, что пластик чехла врезался в ладонь. Каблуки звонко цокали по плитке, но этот привычный, уверенный звук больше не успокаивал — он казался жалким, суетливым, как стук запертой в банке осы.

На ходу она открыла мессенджер, чтобы написать Славе: «Срочно перезвони, у меня какой-то ад с картами и работой». Пальцы замерли над клавиатурой.

Список чатов был пуст. Совсем. Ни рабочей группы, ни переписки с матерью, ни их со Славой бесконечного диалога, где за десять лет накопились тысячи голосовых, смешных картинок и секретов. На экране висела только девственно чистая заставка:

«Начните общение».

Мира лихорадочно ткнула в иконку соцсети. Лента не обновилась. Её собственная страница — с фотографиями из отпусков, постами об аналитике, сотнями комментариев и лайков — выдала сухую серую заглушку: «Страница удалена или не существует».

Внутри всё оборвалось. Ледяная волна прокатилась от затылка до самых пяток, вышибая воздух из лёгких. Она набрала номер Славы по обычной сотовой связи.

Короткий электронный писк — и равнодушный женский голос автоинформатора отчеканил:

— Неправильно набран номер. Пожалуйста, проверьте номер и перезвоните. — Да как неправильно?! — выкрикнула Мира прямо в пустоту промозглой улицы, не замечая, как шарахнулась в сторону пожилая женщина с авоськой. — Я десять лет его наизусть знаю!

Она набрала номер матери — тот же холодный, механический отказ. Позвонила бывшему коллеге, с которым вчера пила кофе, — «Абонент не существует». Её сим-карта ещё ловила сеть, но эта сеть вела в никуда. Будто её переключили на пустой, мёртвый сервер, где кроме неё самой не осталось ни одной живой души. Двери отделения банка мягко разъехались перед ней, обдав тёплым воздухом и запахом бумажной пыли. Мира бросилась к стойке администратора, даже не взяв талончик.

— Девушка, помогите, пожалуйста! — голос дрожал, срываясь на шёпот, она с трудом удерживала себя, чтобы не вце-

питься в край стойки. — У меня заблокированы все счета, и приложение меня не видит. Вот мой паспорт!

Девушка-консультант с аккуратным пучком на голове вежливо улыбнулась, взяла бордовую книжечку в руки, открыла и начала вбивать серию и номер в компьютер. Мира смотрела на её пальцы, молясь про себя: «Ну же, ну найди, скажи, что это сбой, скажи, что нужно просто написать заявление…»

Улыбка сползла с лица девушки. Она нахмурилась, ещё раз сверила фотографию в паспорте с бледным, осунувшимся лицом Миры, потом перебила цифры заново.

Клавиши щёлкали сухо, отрывисто, как метроном.

— Извините, — девушка подняла на неё пустые, вежливые глаза. — Но в нашей базе нет клиента с такими паспортными данными. И в едином реестре налогоплательщиков этот ИНН не числится.

— Как не числится?! — Мира подалась вперёд, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Я у вас ипотеку три года плачу! У меня вклад здесь! Посмотрите по фамилии!

— Я посмотрела, — тон консультанта стал настороженным, отстранённым, каким разговаривают с городскими сумасшедшими. — Вас нет в системе. Возможно, вам стоит обратиться в МФЦ для восстановления документов…

Мира не дослушала. Она выхватила паспорт, развернулась и вылетела на улицу, задыхаясь от накатившей клаустрофобии. Ей казалось, что стены банка сдвигаются, выдав-

ливая её вон, как инородное тело.

Она не существовала. Ни для работодателя, ни для банков, ни для государства, ни для самых близких людей. Пятнадцать лет карьеры, выплаченные миллионы, связи, репутация, даже право на кусок хлеба — всё испарилось за одну ночь, не оставив ни строчки в архивах.

И в этот момент в зеркальной витрине кофейни напротив она увидела их. Двое в серых костюмах стояли на противоположной стороне улицы, у автобусной остановки. Они не прятались. Не сливались с толпой. Просто стояли и смотрели прямо на неё, пока мимо них, словно обтекая невидимые валуны, спешили прохожие. А в пятидесяти метрах правее, у входа в подземный переход, появился третий. Они медленно, без суеты, брали квадрат в кольцо.

К вечеру третьего дня Мира перестала узнавать себя в случайных отражениях.

Идеальное рыжее каре спуталось от сырости и ветра, тушь осыпалась тёмными кругами под запавшими глазами, а дорогие замшевые ботильоны безнадёжно промокли насквозь, хлюпая при каждом шаге. Кашемировое пальто, её главная гордость, пропахло сырым бетоном, чужим табачным дымом и дешёвой едой из фудкортов.

Возвращаться домой было нельзя: в первый же вечер, когда она рискнула подойти к своему дому со стороны двора, у подъезда дежурили двое в сером, а в окнах её собственной

квартиры на шестнадцатом этаже горел свет, хотя она точно помнила, что, уходя, выключила всё.

Три дня она жила как тень на обочине огромного, равнодушного города.

Ночевала в круглосуточных залах ожидания вокзалов, откуда под утро её выгоняла охрана, или на последних рядах ночных киносеансов, пока в кармане не закончилась последняя бумажная купюра, случайно завалявшаяся в старом клатче. Ела объедки, оставленные на подносах в торговых центрах — в первый раз, когда от голода скрутило желудок до спазмов, она полчаса простояла у столика, давясь слезами унижения, прежде чем дрожащей рукой взяла чужой недоеденный круассан. Аналитический мозг, всегда спасавший её в кризисах, заклинило. Нечего было анализировать. Каждый раз, стоило ей задержаться на одном месте дольше чем на два часа, в конце улицы, в вагоне метро или на эскалаторе торгового центра возникала бесстрастная фигура в сером костюме. Они не бежали за ней. Не кричали. Они просто шли следом — неумолимо, ровно, как вода, медленно затапливающая подвал. На исходе третьих суток заряда в телефоне оставалось три процента — бесполезный кусок стекла и металла, превратившийся в фонарик. На город опустился ледяной ноябрьский вечер, с неба посыпалась мелкая колючая крупа.

Пальцы ног давно потеряли чувствительность, зубы выбивали мелкую дробь, а в груди при каждом вдохе что-то сухо

сипело. Мира свернула в тёмный проходной двор в старом спальном районе, толкнула тяжёлую металлическую дверь подъезда — замок оказался сломан — и поднялась на пролёт между вторым и третьим этажом, вжавшись в угол у мусоропровода.

Здесь пахло кошками, сырой штукатуркой и пылью, но хотя бы не дул пронизывающий ветер. Мира сползла по холодной стене на корточки, обхватила колени руками и уткнулась лбом в рукав пальто. Сил бежать больше не было. Не было ни плана, ни денег, ни единого человека во всём мире, который вспомнил бы её имя.

Ну всё, — мелькнула тихая, почти безразличная мысль. — Вот и точка.

Тяжёлая входная дверь внизу мягко, без единого скрипа, приоткрылась и закрылась.

Мира замерла, перестав дышать.

По бетонным ступенькам снизу вверх медленно, размеренно поднимались шаги. Не торопясь. Чеканно. Словно человек знал каждый миллиметр этого тёмного подъезда и точно знал, на каком пролёте она сидит.

Она подняла голову и посмотрела в тёмное, запылённое стекло подъездного окна. В его мутном отражении, этажом ниже, на площадке медленно выросла высокая, сухощавая фигура в безупречно выглаженном сером костюме.

Глава 3. Мотоцикл в ночи

Серый поднялся на пролёт, и полумрак лестничной клетки словно сгустился, став тяжёлым и вязким.

От него не исходило ни звука дыхания, ни скрипа подошв по бетону, ни даже привычного человеческого запаха — ни парфюма, ни пота, ни влажной шерсти. Только сухой, стерильный холод, похожий на тот, что вырывается из промышленной морозильной камеры, когда резко распахиваешь дверь.

Мира вжалась спиной в облупившуюся стену, чувствуя, как колючая крошка штукатурки впивается сквозь тонкую ткань пальто прямо в лопатки. Времени на расчёты не осталось. Единственный путь к выходу лежал мимо него — по узкому зазору между серым плечом и ржавыми перилами.

Серый повернул голову. Его глаза в тусклом свете одинокой лампочки над дверью мусоропровода казались двумя матовыми тёмными пятнами. Он сделал шаг вперёд, протягивая руку — не как человек, желающий схватить, а как механизм, выполняющий заданный алгоритм.

Внутри Миры что-то оборвалось. Страх вдруг переплавился в чистую, животную ярость.

Не дамся. Чёрта с два вы меня так просто заберёте.

Она рванулась вниз с такой силой, на какую только были

способны онемевшие, окоченевшие ноги. Попыталась проскочить в узкую щель у самых перил — и в последний миг задела его правым плечом.

Ткань его пиджака оказалась на ощупь странной — жёсткой, сухой и ледяной, словно вырезанной из тонкого листового металла, хотя на улице третьи сутки лил дождь. А в следующую долю секунды по руке Миры до самого плеча ударил резкий, обжигающий статический разряд. Кожу словно полоснули оголённым проводом; в глазах вспыхнули белые искры, а во рту мгновенно появился привкус горелой меди.

Пальцы Серого сомкнулись на её левом запястье.

Хватка была нечеловеческой — без дрожи, без мышечного напряжения, как стальные тиски гидравлического пресса. Кости хрустнули, боль прострелила локоть, и Мира вскрикнула, едва не захлебнувшись собственным вдохом. Холод от его ладони пополз вверх по венам, вымораживая кровь, парализуя волю. Ещё секунда — и ноги подкосятся.

Не думая, действуя на голом инстинкте выживания, она свободной рукой замахнулась тяжёлой кожаной сумкой с ноутбуком внутри и со всего размаха впечатала её углом ему в висок.

Удар вышел глухим, как о мешок с песком. Голова Серого дёрнулась вбок с неестественным, сухим щелчком, хватка на долю секунды ослабла — и этого хватило. Мира вырвала руку, ободрав кожу на запястье, кубарем скатилась через три ступеньки, чудом удержала равновесие у самых перил и всем

телом навалилась на металлическую подъездную дверь.

Ледяной ноябрьский ветер ударил в лицо, обжигая влажные от слёз и пота щёки.

Мира вылетела из подъезда и замерла на растрескавшемся асфальте двора. Бежать было некуда.

Узкий проезд между серыми пятиэтажками перекрывали ещё двое. Они стояли плечом к плечу у самого выезда на проспект, отрезая её от редких прохожих, от света фар, от живого города. А за спиной уже бесшумно распахнулась подъездная дверь — первый выходил следом.

Кольцо замкнулось. В ушах глухо бухал пульс, грудь разрывало от ледяного воздуха, а левое запястье горело огнём. Мира оглянулась по сторонам в поисках хоть какой-то палки, камня, осколка — но двор был пуст и вылизан до блеска, только мокрые чёрные ветви тополей скрипели на ветру.

Трое в серых костюмах двинулись к ней одновременно. Синхронно. Без единого звука. И в этот момент тишину спального района разорвал низкий, звериный рёв форсированного мотора.

Из-за угла соседнего дома, закладывая бешеный вираж на мокром асфальте, во двор ворвался тяжёлый чёрный мотоцикл. Луч мощной ксеноновой фары полоснул по стенам пятиэтажек, ослепляя, вырывая из темноты белые лица преследователей. Мотоцикл даже не сбавил скорость. Водитель в чёрном матовом шлеме и потёртой кожаной куртке резко за-

ложил байк в управляемый занос, заднее колесо с визгом сорвалось по мокрой листве, и тяжёлый металлический бок с глухим ударом снёс одного из Серых, отшвырнув его к припаркованной «Газели».

Не давая второму опомниться, байк крутанулся на месте, подняв веер грязных брызг, и замер в полуметре от Миры, рыча мотором так, что вибрация отдавала в подошвы её промокших сапог.

Водитель рывком откинул тёмный визор шлема. В свете уличного фонаря Мира увидела резкие скулы, трёхдневную щетину, глубокий косой шрам у левой брови и живые, напряжённые, абсолютно человеческие глаза.

— Садись, если жить хочешь! — рявкнул он сквозь грохот двигателя. Голос был хриплым, срывистым — голосом человека, который сам сейчас на пределе. Мира не стала спрашивать, кто он и откуда знает её. Сзади уже поднимался на ноги сбитый Серый — без единой царапины, без грязи на пиджаке, двигаясь как сломанная, но всё ещё рабочая кукла.

Она схватилась за протянутую руку в грубой кожаной перчатке, перекинула ногу через мокрое сиденье и вцепилась в его куртку мёртвой хваткой.

— Держись крепче! — крикнул незнакомец, захлопывая визор.

Мотоцикл рванул с места так резко, что Миру едва не опрокинуло назад. Шины взвизгнули, выбивая искры из бетона, руль дёрнулся вправо — в узкую, заваленную мусор-

ными баками щель между гаражами, куда не проехала бы ни одна машина. Ветка куста хлестнула по щеке, ледяной дождь с силой заколотил по лицу, но сквозь рёв мотора и свист ветра в ушах Мира впервые за трое суток почувствовала не ледяную пустоту, а живое человеческое тепло под мокрой кожей чужой спины.

Следующие двадцать минут превратились в сплошной ревущий коридор из мокрого асфальта, слепящих фар и ледяного ветра, выбивающего слёзы из глаз. Мира вжалась щекой в мокрую, пахнущую дождём и табаком кожаную куртку незнакомца, сцепив окоченевшие пальцы у него на животе так, что суставы побелели. Мотоцикл нёсся по глухим промзонам, нырял под низкие бетонные эстакады, прыгал по разбитым трамвайным рельсам, то и дело резко уходя в занос на мокрой брусчатке. Несколько раз в зеркалах заднего вида мелькали холодные белые огни безликих чёрных седанов, но водитель каждый раз сбрасывал их в узких, заваленных арматурой тупиках, где не прошла бы ни одна машина.

В голове Миры, оглушённой рёвом мотора, крутилась одна и та же лихорадочная мысль: «Куда я еду? Я села на мотоцикл к первому встречному мужику со шрамом через бровь, который сбивает людей на полном ходу. Это же классика криминальной хроники: спас от одних, чтобы привезти к другим. Может, это вообще спектакль? Сначала довели до ручки, лишили денег и связей, а теперь появился "спа-

ситель", который вытянет из меня все пароли или заставит подписать дарственную на квартиру...»

Но аналитик внутри неё тут же разбивал эту версию в пух и прах. Никакие аферисты не умеют выключать звук в переговорной, исчезать из банковских баз и принимать удар тяжёлого байка без единого синяка.

Мотоцикл резко сбавил ход, свернул за ржавые ворота заброшенного депо, проехал вдоль глухой кирпичной стены и нырнул в узкий, заросший бурьяном бетонный зев старого технического въезда.

Двигатель заглох.

Навалилась оглушительная, давящая тишина, в которой было слышно только, как тикает остывающий металл мотора, капает вода со сводов и хрипло, со свистом вырывается воздух из лёгких Миры.

Водитель спрыгнул с байка, стянул шлем и тряхнул тёмными, влажными от пота волосами. В тусклом жёлтом свете одинокой лампочки, висевшей на проводе под низким потолком, ему было лет сорок пять — сорок семь. Усталое, обветренное лицо, глубокие складки у рта и тот самый косой шрам, рассекающий левую бровь. Он шагнул к массивной металлической двери в торце тоннеля, набрал код на старом механическом замке и с усилием потянул створку на себя.

— Заходи, пока не окоченела, — бросил он через плечо. — Здесь они нас не достанут.

Пока.

Мира с трудом разжала сведённые судорогой пальцы, слезла с сиденья — ноги подкосились, и она едва не рухнула на бетон, но успела ухватиться за руль. Заставила себя выпрямиться и шагнула следом за ним.

За дверью оказался длинный отрезок заброшенного перегона метро, перегороженный толстой кирпичной кладкой. Внутри было сухо и удивительно тепло. У стены потрескивала самодельная железная печка-буржуйка, от которой пахло березовыми дровами, машинным маслом и старым бетоном.

На деревянных ящиках стояли аккумуляторы с пучками проводов, в углу виднелся продавленный диван, застеленный грубыми серыми одеялами, а на колченогом столе громоздились кружки, банки с тушёнкой и стопки пожелтевших бумаг.

Незнакомец без лишних слов подхватил с дивана тяжёлый шерстяной плед, накинул ей на плечи и сунул в руки эмалированную кружку, от которой поднимался густой пар.

— Пей. Это просто кипяток с сушёным шиповником, без фокусов.

Мира обхватила горячую кружку онемевшими ладонями. Зубы выбивали мелкую дробь, плечи тряслись так, что плед сползал на пол. Она сделала крошечный глоток — обжигающая жидкость прокатилась по горлу, возвращая к жизни замерзшее тело. — Кто ты? — выдохнула она, глядя на него поверх края кружки. — И что это за твари в костюмах? Ес-

ли это розыгрыш или чья-то заказная травля, я… у меня всё равно ничего нет, вы сами всё обнулили.

Мужчина устало усмехнулся, присел на край ящика напротив и потёр ладонями лицо. В этом жесте не было ни капли загадочности или пафоса — только смертельная усталость человека, который слишком долго не спал.

— Меня зовут Кай, — сказал он спокойно, глядя ей прямо в глаза. — И я не имею отношения к тем, кто тебя стёр. Поверь, если бы я работал на них, мы бы сейчас не пили шиповник в старом коллекторе, а ты бы уже сидела в белой комнате без окон и забывала собственное имя.

— Кай, — повторила Мира, пробуя имя на вкус, как аналитик проверяет сомнительную переменную. — А я, надо полагать, Герда? Вы издеваетесь?

— Настоящее имя здесь лучше не светить, — в уголках его глаз собрались живые, тёплые морщинки, и напряжение в комнате чуть спало. — Так что считай, что это позывной. А насчёт тех, в сером… Ты сама всё видела, Мира. И остановку времени, и пустые базы в банке, и то, что с ними стало, когда я одного из них снёс двумя сотнями килограммов железа. Обычные люди после такого в реанимации лежат, а этот встал и отряхнулся.

Мира сглотнула. Горло пересохло, несмотря на горячий отвар.

— У меня галлюцинации от недосыпа, — упрямо произнесла она, хотя голос предательски дрогнул. — И сбой в бан-

ковской системе. Такое бывает.

— Три дня подряд? — мягко спросил Кай. — С удалением всех твоих фото, переписок и номера телефона подруги? Перестань врать сама себе, аналитик. Ты умная женщина и умеешь складывать два и два. Старый мир для тебя закрылся. Твоя старая жизнь — обнулена.

Повисла тяжёлая пауза. В буржуйке громко щёлкнуло полено, по стенам бункера метнулись длинные, ломаные тени.

Мира смотрела в свою кружку, чувствуя, как внутри рушатся последние подпорки привычной реальности. Самое страшное было даже не в том, что говорил этот человек, а в том, что каждая клеточка её тела знала: он не врёт.

— Мне нужно проверить периметр и включить глушилки, — Кай поднялся с ящика, поправляя кобуру на поясе. — Сиди у печки, отогревайся. Если услышишь стук в дверь — не открывай, даже если будут кричать голосом твоей матери. Я вернусь через десять минут.

Тяжёлая дверь глухо лязгнула за его спиной.

Мира осталась одна. Тепло от печки наконец добралось до костей, озноб понемногу отступал, но в голове гудел целый рой вопросов. Откуда он знает, что я аналитик?

Откуда знает моё имя? И почему так уверен, что за мной охотятся?

Она встала, кутаясь в колючий шерстяной плед, и подошла к столу, заваленному бумагами и старыми картами. Ни-

какого желания рыться в чужих вещах не было, но профессиональная привычка собирать информацию раньше, чем делать выводы, взяла верх.

На столе лежали распечатки спутниковых снимков каких-то горных хребтов, исчерканные красным маркером, старый компас и несколько потёртых общих тетрадей.

Мира машинально подвинула край карты — и замерла.

Из-под листа выглядывал уголок старой, пожелтевшей по краям бумажной фотографии. Того самого формата десять на пятнадцать, какие печатали в фотоателье лет двадцать назад.

Тонкие пальцы с облупившимся вишнёвым лаком потянулись к снимку, вытащили его на свет лампочки.

Дыхание перехватило так резко, что закружилась голова.

На выцветшей фотографии, на фоне каких-то древних, заснеженных каменных руин, стоял мужчина в старой штормовке, прищурившись от яркого горного солнца. У него были те же резкие скулы, та же упрямая складка у рта и тот же косой шрам через левую бровь. Кай. Почти не изменившийся, разве что без седины на висках. А рядом с ним, прижавшись плечом к его плечу и счастливо смеясь прямо в объектив, стояла женщина.

У неё было рыжее каре, растрёпанное горным ветром. Зелёные глаза с живыми искорками. И её собственное лицо. До последней родинки у левой скулы.

Мира перевернула снимок дрожащими пальцами. На об-

ратной стороне выцветшими синими чернилами стояла дата — двадцать два года назад — и короткая надпись: «Алтай. Порог. Мы ещё вернёмся».

Глава 4. Лихорадка

Тяжёлая металлическая дверь глухо лязгнула, впуская в тёплый, пропахший березовым дымом бункер волну ледяного сквозняка.

Кай вошёл, стряхивая с плеч мокрый снег, повесил тяжёлый карабин на крюк у входа и замер, увидев Миру у стола. Она всё ещё стояла там, кутаясь в колючий серый плед, и держала двумя пальцами выцветшую фотографию за самые уголки — так, словно боялась обжечься.

Кай не стал делать вид, что ничего не заметил. Не бросился вырывать снимок и не начал сочинять небылицы. Он тяжело выдохнул, потёр переносицу и устало опустился на ящик у печки.

— Я так и знал, что ты её найдёшь, — тихо сказал он. — Надо было убрать, но за последние сутки я спал два часа, голова уже не варит.

— Кто это? — голос Миры звучал тихо, почти спокойно, но внутри всё звенело от напряжения, как перетянутая струна. Она положила снимок на карту и развернула его лицом к Каю. — Только без сказок про близнецов, потерянных в роддоме, и про фотошоп. Этой карточке минимум лет двадцать, бумага старая, уголки стёрты. На ней ты — и я. Хотя двадцать два года назад мне было двадцать три, я сидела в

душном офисе в Москве, писала диплом и в глаза не видела никакого Алтая.

Кай посмотрел на снимок. На долю секунды его жёсткое, обветренное лицо дрогнуло — в глазах мелькнула такая глубокая, застарелая боль, что у Миры против воли сжалось сердце.

— Её звали Айна, — глухо ответил он. — И она умерла двадцать два года назад. Там, в горах, у самого Порога.

Мира сглотнула, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Выглядит она точь-в-точь как я. До родинки на скуле. Почему?

— Потому что это ты и есть, Мира, — Кай поднял на неё тяжёлый, прямой взгляд. — Не сестра и не двойник. Другая сборка. Другая ветка, если тебе так проще понять твоим аналитическим мозгом. Система затирает тех, кто слишком близко подходит к выходу, и через время запускает заново — с чистой памятью, в другом городе, с ипотекой и отчётами, чтобы ты даже не смотрела в сторону неба. Я искал тебя больше двадцати лет. Нашёл полгода назад — и ждал, когда тебя начнёт «выбивать» из матрицы.

Мира прикрыла глаза, вцепившись пальцами в край стола. Мозг протестовал, требовал цифр, доказательств, логической цепочки — но перед глазами стояли замершая капля воды на совете директоров, пустая база в банке и Серый, который не дрогнул от удара мотоцикла.

— Допустим, я на секунду поверю в этот бред, — медленно произнесла она, открывая глаза. — Зачем я тебе? Спасать мир? Бороться со злом? Сразу предупреждаю: из меня воин, как из пуделя волкодав. У меня спина ноет после восьми часов за монитором и плоскостопие.

В уголках губ Кая впервые за весь вечер мелькнула живая, усталая усмешка. Он поднялся, подошёл к печке, снял с неё закопчённую кастрюльку и разлил по двум глубоким железным мискам густой, наваристый суп. По бункеру поплыл невероятный, до слёз земной запах лаврового листа, тушёной говядины и чёрного перца.

— Мне не нужен волкодав, Мира, — сказал он, протягивая ей миску и алюминиевую ложку. — Мне нужно, чтобы ты просто осталась жива. А дальше — сама решишь, куда идти. Ешь, пока не остыло. Ты трое суток на одном адреналине держишься. Мира взяла миску. Горячий металл обжигал ладони, но это было лучшее ощущение за последние дни. Она зачерпнула ложку бульона, подула и сделала первый глоток. Внутри всё мгновенно отозвалось благодарным теплом; желудок, сведённый многодневным спазмом, наконец расслабился.

Она ела молча, чувствуя, как с каждой ложкой возвращаются силы. Идти ей было некуда. Наверху её ждали существа с ледяными руками и пустотой вместо глаз. Здесь горела печка, пахло лаврушкой и сидел человек со шрамом, который не врал, даже когда правда звучала безумно.

До утра, — решила Мира, доедая последний кусок картошки. — Останусь до утра. А там разберёмся.

Но до утра она не дожила в здравом уме.

Около полуночи, когда Кай уже дремал в кресле у входа, положив руку на приклад карабина, Мира проснулась на продавленном диване от дикого, выворачивающего наизнанку холода.

Её колотило так сильно, что стучали зубы. Шерстяной плед и два грубых одеяла сверху казались сделанными из мокрого картона. Пальцы рук и ног окоченели, по позвоночнику словно возили куском льда, а в груди разливалась звонкая, стеклянная дрожь.

— Кай… — попыталась позвать она, но изо рта вырвался только сухой, сиплый хрип. Он оказался рядом через секунду — бесшумно, как кошка. Присел на корточки у дивана, приложил тыльную сторону ладони к её лбу и коротко выругался сквозь зубы:

— Чёрт. Горишь вся. Градусника нет, но тут под сорок, не меньше.

Через пять минут ледяной озноб сменился обжигающим, сухим пеклом. Мире казалось, что её бросили в раскалённую печь. Кожа горела так, что любое прикосновение одеяла отзывалось острой болью; кровь в висках стучала тяжёлым молотом — бум-бум-бум, — раскалывая череп изнутри. Мышцы спины и шеи скручивало тугими судорогами, словно тело

разбирали по косточкам и собирали заново без наркоза.

— Пей, по глотку, не залпом, — где-то далеко, словно сквозь толщу мутной воды, звучал низкий, ровный голос Кая.

Тёплая рука приподняла её затылок, к пересохшим, потрескавшимся губам прижался прохладный край эмалированной кружки. Горьковатый травяной отвар обжёг горло. На горячий лоб легла мокрая, ледяная тряпка — на мгновение стало легче, но уже через минуту ткань высохла, и сама стала горячей.

Мира зажмурилась, пытаясь удержаться за реальность, за скрип стула рядом, за треск дров в буржуйке.

И в этот момент, перекрывая грохот пульса в ушах, прямо внутри её черепа — не снаружи, не как звук из комнаты, а как чёткая, безэмоциональная радиопередача на внутренней частоте — всплыл ровный, бесцветный голос:

«Блокировка снята. Перестройка начата. Процесс запущен».

Мира дёрнулась на диване, едва не выбив кружку из рук Кая, и распахнула глаза. В бункере было темно, только сквозь щель в дверце печки плясали рыжие языки пламени. Никто не говорил. Кай молча выжимал тряпку в жестяном ведре.

А внутри головы, ровным, нечеловечески спокойным эхом, снова прокатилось:

«Идёт пересборка носителя. Не сопротивляйтесь».

И жар накрыл её с головой, утягивая на самое дно.

Трое суток слились в один тягучий, раскалённый поток, в котором не существовало ни часов, ни стен бункера, ни её прежней, выверенной по минутам жизни.

Мире казалось, что тело перестало быть плотным. Внутри, под горячей кожей, шёл тихий, гудящий процесс — словно на атомном уровне, среди мельчайших молекул, разбирали старую, ветхую конструкцию и собирали новую. В висках пульсировало; в темноте под закрытыми веками вспыхивали светящиеся нити — тонкие, переплетающиеся спирали, которые на глазах раскручивались, срастались и выстраивались в сложную, непривычную архитектуру. Две привычные нити расходились, впуская в себя новые — три, шесть, двенадцать светящихся спиралей, сплетающихся в единый, живой узор. Обновлялось само ДНК, выжигая старую усталость, накопленный страх и чужие программы.

В ушах стоял ровный, низкий гул, похожий на работу трансформатора, и сквозь него время от времени, абсолютно автономно и спокойно, всплывали короткие фразы — словно отчёты невидимого диспетчера:

«Синхронизация нитей завершена. Водный баланс критичен. Необходимо восполнение жидкости».

— Пей, Мира, ещё пару глотков, — голос Кая прорывался сквозь раскалённый туман, шершавый от бессонницы, но удивительно тёплый.

Его ладонь — мозолистая, пахнущая дымом и металлом — осторожно приподнимала её затылок. К пересохшим губам снова и снова прижимался холодный край кружки. Мира пила жадно, чувствуя, как ледяная вода прокатывается по пищеводу и словно гасит огонь в каждой клетке. На лоб ложилась влажная, прохладная ткань; пальцы Кая легко, почти невесомо убирали с её мокрых висков спутанные рыжие пряди. А потом она снова проваливалась — но теперь это был не бредовый кошмар, а странная, гулкая ясность.

Она шла босиком по холодному, гладкому камню древнего храма, вырубленного прямо в скале. Над головой вместо потолка разверзлось бездонное ночное небо с крупными, низкими звёздами. В каменных чашах по краям ступеней ровно горел огонь, в воздухе густо пахло горным можжевельником, талым снегом и озоном.

Никаких пафосных проповедей, никаких крылатых ангелов — только абсолютная, звенящая тишина и ощущение огромной, спокойной силы внутри грудной клетки. Словно она наконец вспомнила родной язык, который у неё отняли в детстве, и теперь каждое слово вставало на своё место.

«Адаптация завершена на девяносто процентов. Идёт стабилизация системы».

На четвёртое утро Мира открыла глаза сама — без стона, без боли, без тяжести в затылке.

В бункере было тихо. Буржуйка прогорела, оставив после себя мягкое, ровное тепло и тонкий запах остывшей золы. Кай спал сидя в продавленном кресле у входа, свесив голову на грудь; под глазами у него залегли глубокие чёрные тени, а пальцы правой руки всё ещё лежали на ремне карабина.

Мира осторожно села на диване и прислушалась к себе.

Первое, что поразило её, — абсолютная, пугающая лёгкость. Исчезла привычная ноющая боль между лопатками, с которой она просыпалась последние десять лет. В голове не гудело, мысли текли кристально чисто и быстро, а воздух в сыром подземном коллекторе вдруг обрёл десятки оттенков: она отчётливо различала запах березовой коры, машинного масла, старого бетона и даже слабый аромат сушёного шиповника из кружки на столе.

Она тихо поднялась, накинула на плечи плед и подошла к углу бункера, где над старым жестяным умывальником висел треснувший осколок зеркала.

Взглянула на своё отражение — и замерла.

Лицо похудело, скулы заострились, но кожа светилась ровным, здоровым теплом, словно она месяц провела не в подземелье, а в горном санатории. Но главное было в глазах. Привычная зелень радужки стала глубже, ярче, а вокруг самого зрачка появился тонкий, едва заметный золотистый ободок. Взгляд перестал быть загнанным — он стал спокойным, цепким и пугающе ясным.

Мира приложила пальцы к стеклу, пытаясь осознать, что

с ней произошло, — и в ту же секунду мир вокруг снова изменился.

Она не услышала это ушами. Скорее почувствовала всем телом — вибрацией в кончиках пальцев, лёгким холодком по позвоночнику и резкой сменой давления в воздухе. Сквозь три метра сырой земли и толстую бетонную плиту перекрытия наверху, в заброшенном депо, мягко, синхронно ступили несколько пар ног. Три холодных, пустых пятна в пространстве. Ни сердцебиения, ни тепла, ни дыхания — только ледяная, механическая пустота, медленно спускающаяся по лестнице к их стальной двери.

Мира резко развернулась к спящему Каю.

— Кай, вставай, — тихо, но так чётко, что он вздрогнул и мгновенно схватился за оружие, произнесла она. — Они наверху. Трое. И они уже идут сюда.

Глава 5. Первый импульс и дневник

Сон слетел с Кая за долю секунды — без единого зевка, без привычной утренней раскачки.

Пальцы с силой перехватили ремень карабина, взгляд мгновенно метнулся к тяжёлой стальной двери в торце коллектора. Он не стал переспрашивать, откуда она знает. Просто схватил со стола заварник с остывшим шиповником и одним резким движением выплеснул его прямо в топку буржуйки.

Зашипело, повалил едкий, густой белый пар, смешиваясь с запахом мокрой золы. В бункере мгновенно потемнело — осталась гореть только одна тусклая лампочка на проводе под низким сводом.

— За ящики, на пол, — глухо скомандовал Кай, уже смещаясь в тень за массивную бетонную колонну. Щёлкнул предохранитель, металл лязгнул сухо и зло. — Голову не высовывай, что бы ни случилось. Поняла?

Мира кивнула, хотя горло перехватило спазмом, и быстро присела за грудой тяжёлых деревянных ящиков с инструментами. Бетонный пол под коленями был ледяным, шероховатым; пыль тут же забилась в ноздри, заставив сдержать

кашель.

А потом в тоннель пришёл холод.

Это был не обычный ноябрьский сквозняк из подземелья. Температура упала за пять секунд так резко, что изо рта повалил густой белый пар, а кончики пальцев мгновенно заныли, словно их опустили в ледяную прорубь. Воздух стал плотным, тяжёлым, наэлектризованным — мелкие волоски на руках Миры поднялись дыбом, по коже побежали колючие мурашки, а во рту снова появился тот самый тошнотворный привкус горелой меди.

За стальной дверью не раздалось ни стука, ни шагов. Только тихий, нарастающий высокочастотный гул, от которого заныли коренные зубы.

На глазах у Миры по внутренней стороне массивной железной створки, от самого замка, со змеиным шипением поползли белые, ветвистые узоры инея. Толстый металл начал покрываться изморозью, треща и сжимаясь от нечеловеческого, вымораживающего давления снаружи.

Они даже не взламывают её, — пронеслось в голове с ледяной ясностью. — Они просто меняют структуру металла.

Механический засов внутри двери издал протяжный, надрывный визг — и лопнул пополам, разлетевшись мелкими обломками.

Тяжёлая дверь не распахнулась — она медленно, бесшумно отъехала внутрь, словно её толкнула невидимая стена.

В проёме стояли двое.

Идеально выглаженные серые костюмы, белые рубашки, галстуки — ни пылинки, ни следа сырости заброшенного подземелья. В тусклом жёлтом свете лампочки их лица казались вырезанными из холодного серого воска. Ни злости, ни азарта охоты. Пустота.

Грохот первого выстрела в замкнутом бетонном мешке ударил по ушам так, что Мира вскрикнула и зажала голову руками. Звук метался от стены к стене, выбивая барабанные перепонки; в нос ударил едкий, горький запах сгоревшего пороха. Кай стрелял точно, короткими, выверенными двойками. Пули с глухим хлопком впивались в грудь ближайшего Серого, вырывая клочья серой ткани — но ни капли крови не брызнуло на бетон. Существо даже не сбилось с шага. Оно лишь чуть дёрнулось назад при попадании, как манекен на пружине, и продолжило идти вперёд, в то время как второй Серый бесшумно скользнул влево, заходя Каю во фланг. — Твари… — выдохнул Кай сквозь стиснутые зубы, отступая за колонну и перезаряжая карабин на ходу.

Второй Серый оказался быстрее. Он возник из тени с пугающей, механической плавностью, выбил тяжёлый карабин из рук Кая одним коротким ударом ребра ладони — металл с грохотом отлетел в угол бункера — и с силой впечатал мужчину спиной в бетонную стену.

Кай хрипло выдохнул, голова его мотнулась назад, ударившись о камень; из рассечённой брови по скуле потекла тём-

ная струйка крови. Пальцы Серого сомкнулись на его горле, приподнимая над полом, а второй преследователь уже поворачивал голову в сторону ящиков, за которыми затаилась Мира.

Время снова замедлилось — но теперь иначе, чем в переговорной.

Мира видела, как синеют губы Кая, как его пальцы безуспешно пытаются разжать мёртвую, стальную хватку на шее. Видела, как поворачивается к ней бледное, бездушное лицо второго Серого.

Внутри грудной клетки, там, где три дня горел лихорадочный огонь, вдруг заворочалось что-то огромное, плотное и раскалённое добела. Оно сжалось в тугой, вибрирующий узел прямо под солнечным сплетением — так сильно, что перехватило дыхание, — и потребовало выхода.

Мира не знала ни заклинаний, ни приёмов, ни правил этой новой реальности. Она просто вскочила из-за ящиков, вскинула обе руки ладонями вперёд и выдохнула весь воздух из лёгких.

Из кончиков её пальцев и из самой середины груди вырвалась беззвучная, невидимая волна такой чудовищной плотности, что воздух в бункере пошёл рябью, как вода от брошенного булыжника.

Лампочка под потолком взорвалась с оглушительным хлопком, осыпав бетон стеклянной крошкой. Аккумуляторы у стены заискрили, вспыхнули синими дугами короткого за-

мыкания и задымились.

Волна ударила в обоих Серых одновременно.

Их не просто отбросило — их словно пропустило через высокочастотный шредер. Безупречные серые костюмы затрещали, по ним побежали сухие, слепящие разряды; лица преследователей впервые исказились — не болью, а резким, рваным сбоем картинки на битом экране. На долю секунды их силуэты раздвоились, рассыпались на мелкую, серую, пахнущую озоном и горелой пылью взвесь — и исчезли с сухим, пустым хлопком, словно лопнул вакуумный пакет.

Кай тяжело рухнул на бетонный пол, судорожно хватая ртом воздух.

В бункере повисла глухая, звенящая темнота, подсвеченная только тлеющими углями в распахнутой буржуйке и синими искрами догоравших проводов.

Тишина после взрыва была такой густой, что в ушах звенело, как после контузии.

Мира стояла посреди тёмного бункера с вытянутыми вперёд руками, не в силах их опустить. Ладони горели так, словно она минуту держала в них раскалённые угли, а по предплечьям до самых локтей бежала мелкая, нервная вибрация. В воздухе густо пахло озоном, горелой изоляцией, порохом и странной, сухой пылью — всем, что осталось от двух существ в серых костюмах.

А потом накрыл откат.

Ноги подкосились мгновенно, будто из коленей вынули шарниры. Мира рухнула на холодный бетонный пол, едва успев опереться ладонями о шершавую поверхность. К горлу подступила тошнота, мир вокруг качнулся и поплыл серыми пятнами, а под носом вдруг стало влажно и тепло. Она машинально провела тыльной стороной ладони по губе — на коже остался тёмный, липкий след крови.

Внутри головы, сквозь пульсирующий гул, снова спокойно и бесстрастно зазвучал знакомый внутренний голос:

«Энергетический сброс. Резерв истощён. Необходимо восполнение жидкости и покой». — Заткнись… — просипела Мира в пустоту, зажмуриваясь и упираясь лбом в ледяной бетон. — Просто заткнись, я не кофеварка, чтобы меня перезагружать…

Рядом зашуршал гравий, послышалось тяжёлое, хриплое дыхание. Кай поднялся с пола у стены, прижимая ладонь к рассечённому виску, включил налобный фонарик — узкий белый луч выхватил из мрака разбитую лампочку, покорёженную стальную дверь и сидящую на полу Миру.

Он подошёл, присел перед ней на корточки, молча достал из кармана чистый носовой платок и протянул ей, чтобы вытереть кровь. В свете фонаря его лицо было бледным, на шее уже наливались багровые следы от пальцев Серого, но смотрел он на неё совсем иначе, чем вчера. Без снисходительности. Без привычки спасателя, который тащит на себе беспомощного гражданского. В его глазах смешались шок, уваже-

ние и лёгкий, едва скрываемый страх.

— Ты их стёрла, — хрипло произнёс он, потирая ушибленное горло. — Я видел, как их отбрасывают гранатами, как их жгут термитом — они всегда собираются обратно. А ты… ты просто выключила их из сети.

— Я ничего не выключала, — Мира вытерла нос платком, чувствуя, как зубы снова начинают стучать от резкого озноба. — Меня просто зажало внутри, как в скороварке, и крышку сорвало. Если это и есть ваша «новая земля», Кай, то мне срочно нужен отпуск за свой счёт и терапевт.

Кай коротко, хрипло усмехнулся, помог ей подняться и усадил на продавленный диван, накинув сверху плед.

— Отпуск отменяется, аналитик. После такого всплеска вони в эфире — на весь город.

Сюда через пятнадцать минут приползут все, кто есть в квадрате, и уже не втроём. Нам нужно уходить. Прямо сейчас.

Кай бросился к столу, сгребая в потёртый армейский рюкзак карты, фляги, патроны и банки с тушёнкой. Мира, всё ещё пошатываясь от слабости, подошла помочь — руки слушались плохо, но сидеть сложа руки в такой момент было ещё хуже.

— Забери термобельё с полки у входа и запасную куртку, — бросил Кай, не отрываясь от сборов. — На улице минус, в своём пальто ты замерзнешь через час. И проверь метал-

лический ящик под столом — там документы и старые записи Серёги. — Серёги? — переспросила Мира, опускаясь на колени и вытягивая из-под стола тяжёлый, облупившийся зелёный ящик от патронов.

— Напарника моего. Он этот бункер три года держал, пока его не накрыли в прошлом месяце, — глухо ответил Кай, затягивая ремни рюкзака. — Всё, что успел собрать о системе, там лежит. Бросать нельзя.

Мира откинула ржавую защёлку крышки. Внутри лежали пачки батареек, старый кнопочный телефон без сим-карты, карта области и небольшая, пухлая записная книжка в обложке из грубой свиной кожи, перетянутая канцелярской резинкой. Она взяла дневник в руки — кожа была засаленной по краям, пахла сыростью, табаком и старой бумагой. Резинка с сухим щелчком соскользнула, и книжка сама раскрылась на последних страницах, исписанных торопливым, нервным мужским почерком.

Мира посветила на листы экраном своего разряженного почти в ноль телефона — и замерла.

Вся последняя страница была зарисована от руки: острые зубцы горного хребта, извилистая лента реки в ущелье и жирный крест на небольшом плато у самого подножия ледника. Рядом столбиком шли цифры — широта и долгота. А в самом низу, крупными, вдавленными в бумагу буквами, словно человек писал это за секунду до того, как в его дверь вошли, стояло:

«Периметр в городах пробит. Искать больше негде. Алтай, плато Укок, старый контур.

Там ответ. Там — она».

— Кай… — тихо позвала Мира, поднимая на него глаза. — Посмотри сюда. Кай подошёл, глянул на страницу в тусклом свете экрана — и его скулы напряглись, желваки заходили под кожей.

— Чёрт… Так вот куда он собирался перед тем, как пропал. «Там — она». Он тоже вышел на твой след, Мира. И на то место, где всё началось двадцать два года назад. В этот миг где-то далеко наверху, в бетонном зеве заброшенного депо, раздался глухой, тяжелый скрежет металла, а следом — ровный, низкий, нарастающий гул, от которого с потолка бункера посыпалась мелкая известковая пыль. В воздухе снова запахло морозом.

Кай рывком закинул рюкзак за плечо, схватил карабин и повернулся к узкому техническому лазу в противоположном конце тоннеля.

— Всё, время вышло. Они перекрывают район. Валим на восток, Мира — в обход трасс, через тайгу, на Алтай.

Мира сунула кожаный дневник во внутренний карман куртки, прижала ладонь к груди, где всё ещё тихо, но уверенно пульсировало новое, непривычное тепло, и кивнула. Старая жизнь сгорела дотла. Впереди были три тысячи километров неизвестности — и впервые за долгие годы ей не хотелось бежать назад.

Глава 6. Спуск на байке

Холодный воздух резал горло, как дешёвая бритва, а под шлемом противно гудела собственная кровь.

Пальцы намертво вцепились в жёсткую кожу куртки Кая на его боках. Разжать их было физически невозможно — суставы свело так, будто их залили свинцом. Каждая кочка на разбитой лесовозной просеке отдавалась тупым ударом в основание черепа, а между лопаток тянуло пустой, сосущей болью. Тот импульс в депо выгреб из меня всё до дна, оставив вместо внутренних органов пересушенную губку и стойкий металлический привкус во рту.

В сознании, ровно под левым виском, снова вспыхнула бесстрастная, сухая строка — ни громкая, ни тихая, просто данность, от которой не отмахнёшься:

«Энергетический резерв: 14%. Режим энергосбережения».

Отлично. Четырнадцать процентов. Примерно столько же оставалось на моём айфоне за пять минут до того, как он превратился в бесполезный кусок стекла и алюминия. Только телефон можно было воткнуть в розетку, а куда втыкать сорокапятилетнюю женщину посреди сибирской тайги, инструкция не уточняла.

Тяжёлый байк зарычал, проваливаясь задним колесом в

раскисшую осеннюю колею, и тут же выгреб обратно, обдав мои джинсы ледяной слякотью. Кай вёл машину молча, ссутулив широкие плечи. Над воротником его куртки виднелась только полоска обветренной шеи и седой висок под краем шлема.

Метров через триста лес вдруг расступился, открывая серую полосу федеральной трассы. И сразу же в нос ударил знакомый, до тошноты мерзкий запах — смесь озона, перегретого металла и могильной сырости.

Мои золотистые ободки вокруг зрачков, о которых я теперь знала благодаря треснувшему зеркалу в депо, словно обожгло изнутри. Воздух над асфальтом дрожал, хотя ноябрьская морось выстудила землю почти до минуса. У бетонных блоков поперёк дороги стояли две машины ДПС с выключенными мигалками, а рядом с ними — три высокие фигуры в безупречно сидящих серых пальто. Ни одна капля мелкого дождя не задерживалась на их плечах.

Кай заметил их в ту же секунду.

Без единого лишнего движения он выжал сцепление, заложил тяжёлый мотоцикл в крутой вираж, чиркнув подножкой по гравию, и нырнул прямо в плотную стену мокрого пихтача. Ветки хлестнули по визору с сухим треском. Мы перелетели через заросший кювет, проломились сквозь кусты шиповника, и на крутом склоне оврага заднее колесо всё-таки сорвалось на скользкой прелой хвое.

Двести с лишним килограммов железа завалились на пра-

вый бок.

Я успела выставить ногу и сгруппироваться, но удар всё равно выбил из лёгких воздух — меня проволокло пару метров по мокрому мху и валежнику, пока мы не уткнулись в поваленную осину на самом дне. Двигатель чихнул и заглох.

Несколько секунд мы оба не двигались. Слышалось лишь, как потрескивает остывающий глушитель да с веток, срываются тяжёлые, холодные капли. Затем Кай выругался сквозь зубы, вытащил ногу из-под рамы, поднялся и стянул шлем. Косой шрам через его левую бровь побелел на резком утреннем ветру.

— Живая? — коротко бросил он, уже оглядывая гребень оврага и протягивая мне руку в обрезанной кожаной перчатке.

Я с трудом разжала пальцы, сдёрнула шлем и выдохнула облачко пара. Правое бедро и плечо горели так, будто по ним прошлись наждачкой, а при попытке встать ноги противно задрожали.

— На четырнадцать процентов, — прохрипела я, опираясь на его ладонь и вытирая тыльной стороной руки влажный след под носом. Крови, слава богу, больше не было. — Слушай, если это твой хвалёный трансфер на Алтай, я требую вернуть деньги за билет.

Кай посмотрел на меня сверху вниз. В его серых, уставших глазах не мелькнуло ни улыбки, ни жалости — только быстрая, профессиональная оценка ущерба.

— Дальше пешком. Бурелом, техника не пройдёт, да и слышно нас за три версты.

Помогай.

Следующие двадцать минут мы заталкивали зверя в узкую расщелину под вывороченным корнем кедра и закидывали его лапником и старым брезентом. Мои длинные ногти, ещё три дня назад аккуратно подпиленные у лучшего мастера в центре города, теперь выглядели как улика с места преступления. Вишнёвый лак облупился наполовину, под кромкой забилась чёрная земля, а указательный палец на правой руке я всё-таки сломала под корень, когда тащила тяжёлую ветку.

Я зашипела сквозь зубы, сунув палец в рот. Мелочь, глупость, смешно даже думать об этом, когда по твоим следам идут существа, которым плевать на пули. Но именно эта сломанная ногтевая пластина вдруг кольнула сильнее холода — как последнее напоминание о том, что той женщины в кашемировом пальто и с утренним флэтуайтом больше не существует.

Когда с маскировкой было покончено, Кай спустился к узкому, прихваченному по берегам тонкой ледяной коркой ручью на дне оврага, набрал воды в закопчённый армейский котелок и за пять минут развёл крошечный огонь из сухих нижних еловых веток. Дыма почти не было — он тут же вяз в густом, сыром лапнике над головой. Я присела на поваленное дерево, подтянув колени к подбородку, и протянула ладони к жару. Тонкая кожа на костяшках тут же заныла от пе-

репада температур. — Кофе нет, — сказал Кай, не глядя на меня, и бросил в закипающую воду горсть промытой игольчатой хвои и пару сухих листьев брусники. — Есть вот это и галеты.

Ешь. Тебе сейчас калории нужны, иначе к вечеру ляжешь.

Он протянул мне жестяную кружку, обжигающую пальцы, и пачку серых сухарей. Я сделала глоток. Напиток оказался горьким, терпким, пахнущим смолой и дымом, но горячая волна мгновенно прокатилась по пищеводу, заставив желудок благодарно сжаться.

— М-м, — протянула я, щурясь от пара. — Ноты мокрой белки и ноябрьской депрессии. В кофейне на Патриках такое продавали бы по восемьсот рублей за стакан как «таёжный детокс».

Кай хмыкнул — коротко, почти беззвучно, и присел на корточки напротив, вытащив из внутреннего кармана куртки потёртый блокнот Серёги. Тот самый, который мы вытащили из обрушенного бункера.

Я смотрела, как его грубые, иссечённые старыми порезами пальцы перелистывают отсыревшие страницы, и ловила себя на странном чувстве. Ещё позавчера этот человек был для меня пугающим незнакомцем с карабином, от которого хотелось держаться подальше. А сейчас я знала, как пахнет его куртка — дымом, оружейным маслом и холодом, — и ловила себя на том, что рядом с ним впервые за неделю перестаю оглядываться каждую секунду.

— До предгорий по прямой километров сорок, — негромко произнёс он, ткнув пальцем в нарисованную от руки схему хребтов. — По тайге это двое суток, если в горах на раннюю наледь не нарвёмся. Серёга писал про старый контур на плато Укок. Место, где сигнал не бьёт.

— «Там ответ. Там — она», — процитировала я строчку, которую запомнила наизусть ещё в подвале. И посмотрела прямо ему в глаза. — Кай. Мы ведь оба понимаем, что Серёга писал не про меня. Ну, не про ту меня, которая месяц назад сводила квартальный отчёт.

Кай замер. Огонь высветил жёсткую линию его скулы и тень от сломанной брови. На долю секунды его взгляд стал таким тяжёлым и пустым, что мне показалось — я снова увидела морозный воздух у блокпоста.

— Там на плато есть Порог, Мира, — тихо ответил он, захлопывая блокнот и убирая его за пазуху. — Двадцать два года назад я оттуда вышел один. Больше мне знать ничего не нужно. Допивай. Через десять минут выходим.

«Вышел один», — мгновенно зацепилась за обмолвку моя аналитическая привычка собирать пазл из недосказанного. Значит, уходил он туда не один. И судя по тому, как мгновенно задеревенели его плечи, эта история до сих пор сидела у него под рёбрами занозой.

Он поднялся и пошёл к ручью залить угли, оставив меня с недопитой кружкой и странным, тягучим ощущением, что главный груз в этом походе мы несём вовсе не в рюкзаках.

К четырём часам дня ноябрьское небо окончательно просело и стало цвета мокрого шифера. Морось прекратилась, но вместе с ней ушло и последнее тепло — мох под ногами начал схватываться хрустящей коркой, а воздух стал сухим, колючим и неподвижным.

Мы шли уже шестой час. По старым звериным тропам, вдоль заросших распадков, обходя открытые вырубки и буреломы. Я давно перестала считать шаги и просто смотрела на спину Кая в пяти метрах впереди. Он двигался размеренно, экономя силы: тяжёлый походный рюкзак за плечами, карабин на ремне через грудь, ни одного лишнего движения.

Я шла следом со своим городским рюкзаком, в который наспех успели запихать смену белья, аптечку, пару банок тушёнки и бутылку воды.

Правое бедро после падения с байка ныло на каждом шагу, а новые трекинговые ботинки, которые Кай достал мне ещё в городе, натёрли пятку так, что казалось, носок внутри пропитался кровью. Я молчала. Ныть сейчас было не перед кем, да и бессмысленно — Серые не делают скидку на мозоли.

Но чем дальше мы уходили от трассы, тем страннее вела себя тайга.

Сначала я списала это на собственную глухоту от усталости. Потом поняла: лес вокруг мёртвый. Ни крика кедровки,

ни возни белки в кронах, ни даже привычного шороха ветра в вершинах пихт. Стояла плотная, ватная тишина, от которой закладывало уши, как в самолёте на снижении.

И сквозь эту тишину, поднимаясь откуда-то снизу — через подошвы, через кости голеней прямо в позвоночник — шёл едва уловимый, низкий гул. Словно глубоко под толщей камня и мерзлоты работал гигантский трансформатор.

Я споткнулась о вывернутый корень и глухо выругалась, уперевшись ладонями в колени. Дыхание сбилось, перед глазами поплыли тёмные пятна.

Кай тут же остановился, обернулся и, не говоря ни слова, вернулся ко мне. Скинул свой рюкзак, расстегнул клапан и вытащил плотную тёмно-серую флисовую кофту. — Надевай, — коротко бросил он, протягивая вещь. — Солнце сядет через двадцать минут, сразу минус восемь шарахнет. С мокрой спиной сляжешь.

— А ты? — я взяла флиску, чувствуя, что пальцы дрожат уже не только от холода, но и от дикой, выматывающей слабости.

— Мне жарко, я железо тащу, — отрезал он и отвернулся, проверяя затвор карабина.

— Шевелись, Мира. До выворотня метров триста осталось, там встанем. Я натянула тёплый, пахнущий дымом и кедровой смолой флис поверх куртки и застегнула молнию до самого подбородка. Стало чуть легче. Мы пошли дальше, и я, чтобы отвлечься от гула в ногах, хрипло усмехнулась ему

в спину:

— Знаешь, Кай, месяц назад моим главным экстримом был внеплановый аудит в пятницу в шесть вечера. Я тогда всерьёз думала, что это предел человеческого стресса. Какая же я была дура.

Кай не обернулся, но я увидела, как дёрнулся уголок его щеки под трёхдневной щетиной.

— Бухгалтерия — дело тёмное, — глухо отозвался он. — Там хоть понятно, кто кого кинуть хочет. А здесь правила на ходу переписывают.

Ночевать мы устроились под корнями огромной, вывернутой бурей сосны. Огромный земляной щит с переплетёнными корневищами надёжно закрывал нас от северного ветра, образуя глубокую сухую нишу. Костёр разводить не стали — слишком близко к хребту, да и дым в безветренную ночь видно далеко. Кай расстелил на лапнике пенку, бросил сверху спальник и молча кивнул мне: залезай.

Я стянула проклятые ботинки, размяла затёкшие ступни и нырнула в холодный нейлон спальника, накрывшись сверху его курткой. Зуб на зуб не попадал ещё минут десять, пока тело наконец не начало отдавать тепло.

Кай сел у самого края укрытия, привалившись спиной к толстому корню, положил карабин на колени и закурил в кулак, пряча огонёк сигареты.

— Спи, — тихо сказал он. — Через четыре часа сменишь.

Я хотела ответить, что всё равно не усну на промёрз-

шей земле, но веки налились свинцом мгновенно. Стоило закрыть глаза, как дневная реальность провалилась куда-то вглубь, а низкий, тягучий гул из-под земли вдруг усилился.

Я не спала — и не бодрствовала. Тело лежало неподвижно, зажатое холодом и усталостью, но сознание растянулось, стало прозрачным и гулким, как пустой зал. Вибрация поднималась по позвоночнику вверх, к основанию черепа, и там, в темноте за закрытыми веками, начала складываться в звук. Это был не голос в ушах — это вибрировали сами кости, резонируя с чем-то огромным, древним и холодным, что спало под этими горами тысячелетиями. Лес вокруг перестал быть безмолвным: миллионы корней, камней и подземных вод переговаривались на одной низкой, тяжёлой частоте.

И сквозь этот гул меня позвали.

Не Мирой. Чужим, забытым, но до боли знакомым именем, от которого внутри всё сжалось в ледяной узел:

«Айна...»

Я вздрогнула, но не смогла пошевелиться. Имя прокатилось по нервам, как разряд тока, заставив золотистые ободки вокруг зрачков вспыхнуть под закрытыми веками.

«Айна... ты вернулась... контур ждёт...»

Я резко дёрнулась, вырываясь из этого вязкого, ледяного морока, и распахнула глаза, судорожно глотая морозный воздух. Из горла вырвался короткий, сдавленный всхлип. В двух шагах от меня, у самого выхода из-под корней, сидел Кай. Сигарета давно погасла в его пальцах. Он смотрел на

меня в упор — и в сером свете взошедшей луны его лицо было белым, как мел, а взгляд таким, словно он только что увидел призрака.

А в моей голове, перекрывая бешеный стук сердца, холодно и чётко вспыхнула строка: «Обнаружен внешний резонанс. Идентификация прошлого контура: 98%».

Глава 7. Сон на снегу

Утро ударило по глазам белой, режущей резиной.

Я выбралась из спальника и замерла на четвереньках у края выворотня, пытаясь сфокусировать взгляд. За ночь тайга переоделась: чёрная ноябрьская земля исчезла под плотным, сухим настом, припорошившим и лапник, и корни, и рюкзаки. Воздух загустел, стал колючим, как мелкая стеклянная крошка, и с каждым вдохом обжигал бронхи.

Но дело было не в морозе.

Голова налилась тяжёлой, ватной глухотой. Ощущение было такое, будто черепную коробку изнутри аккуратно выложили мокрой шерстью — звуки снаружи доходили с задержкой на полсекунды, словно через толстое аквариумное стекло. Хруст снега под сапогами Кая, свист ветра в кедровых лапах, моё собственное сиплое дыхание — всё звучало приглушённо, растянуто, чуждо.

Кай уже затягивал ремни на своём рюкзаке. Лицо осунувшееся, скулы заострились, под серыми глазами залегли тёмные, почти чёрные тени. На меня он старался не смотреть.

— Вставай, Мира, — глухо бросил он, закидывая карабин за спину. — Снег пошёл ранний. Если до обеда не поднимемся выше границы стланика, увязнем. Я с трудом натянула задубевшие на морозе ботинки — натёртая вчера пят-

ка вспыхнула тупой болью, но быстро онемела — и встала, придерживаясь за шершавый ствол сосны. Подошла к нему вплотную.

— Кай.

Он не обернулся, проверяя застёжку на поясном ремне.

— Не сейчас.

— Ночью я произнесла это имя, — тихо сказала я, чувствуя, как собственные губы двигаются с трудом, словно после заморозки у стоматолога. — Айна. И ты посмотрел на меня так, будто я восстала из гроба. Кто она?

Кай замер. На секунду его спина под брезентовой куртской окаменела, а пальцы побелели на ремне. Потом он медленно повернул голову. Взгляд у него был тяжёлый, пустой и абсолютно непроницаемый — стена, о которую бесполезно биться. — Она мертва, Мира, — отрезал он тихо, без единой интонации. — Двадцать два года как мертва. А тебе сейчас нужно дойти до гребня и не сдохнуть от переохлаждения.

Остальное — наверху. Пошли.

Он развернулся и зашагал вверх по склону, пробивая след в неглубоком насте. Я осталась стоять на месте пару секунд, глядя ему в спину. Аналитик во мне привык складывать два и два: напарник Серёга пишет про «неё» на Укоке; Кай двадцать два года назад выходит оттуда один; система в моей голове выдаёт совпадение контура на девяносто восемь процентов. Пазл складывался в картинку, от которой становилось холоднее, чем от алтайского ветра. Но спорить сейчас

было нечем — в груди вместо воздуха перекатывался сухой свинец.

Я пошла следом.

Первые два часа подъёма слились в бесконечный, монотонный ритм: шаг, вдох, обжигающий горло, хруст корки, шаг. Тропа забирала всё круче, сосны сменились низкорослым, кривым кедровым стлаником и голыми серыми камнями, занесёнными снегом. Ветер здесь уже не прятался в ветвях — он бил в лицо открыто, срывая с гребней сухую снежную пыль.

А потом в голове что-то щёлкнуло.

Онемение, которое утром держалось на периферии, вдруг раскололо моё восприятие ровно пополам — словно кто-то провёл невидимую, ледяную черту строго по центру лба, через переносицу, подбородок и дальше вниз, по позвоночнику.

Правая половина тела оставалась моей. Я чувствовала, как ноет натёртая правая пятка, как тянет мышцу на бедре после вчерашнего падения с байка, как жжёт щёку колючий ветер. Это была я — сорокапятилетняя Мира, замёрзшая, злая, живая.

А левая половина исчезла.

Левая рука болталась вдоль тела как чужая, набитая опилками плеть; я не чувствовала ни шершавой ткани перчатки, ни тяжести лямки рюкзака на левом плече.

Левая половина головы словно провалилась в вакуум —

тихий, звенящий, стерильный. И в этой пустоте, в левом виске, начали всплывать чужие обрывки: запах дыма от кизяка, звон серебряных подвесок, чужие смуглые пальцы на рукояти ножа и тихий, ровный гул камня под босыми ногами.

Два мира, две памяти, две женщины в одном черепе — и ни одна не могла вытеснить другую. Меня мутило от этого раскола, как при тяжёлой морской качке, когда глаза видят неподвижную стену, а вестибулярный аппарат орёт, что пол уходит из-под ног. — Кай... — позвала я, но голос вышел похожим на сухой шелест. Он шёл в десяти метрах впереди, нагнув голову против ветра, и не услышал.

Я попыталась сделать ещё шаг, но левая нога просто не получила сигнала от мозга — она подвернулась на скользком камне, занесённом снегом.

В левом виске вспыхнула слепящая белая строка, перекрывая серое небо и чёрные скалы:

«Энергетический резерв: 3%. Критическое снижение температуры ядра. Аварийное отключение через 10... 9...»

— Ну, привет, перезагрузка... — пробормотала я онемевшим языком, пытаясь хотя бы усмехнуться, но лицо уже не слушалось.

Колени подогнулись. Я рухнула вперёд, в сухой, колючий снег, и даже не почувствовала удара — только увидела, как в белой пелене метнулась назад тёмная фигура Кая, услышала сквозь вату в ушах его глухой, сорванный крик: «Мира! Держись, чёрт возьми!» — и провалилась в тишину.

Холод исчез не сразу — он просто рассыпался, как треснувшее стекло, оставив после себя абсолютную, стерильную невесомость.

Я стояла посреди бесконечного белого пространства. Ни неба, ни горизонта, ни снега под ногами — только ровный, матовый свет, от которого не слезились глаза, и тихий, едва уловимый гул, похожий на работу мощного охлаждения в серверной. Раздвоение в голове прекратилось: обе половины мозга снова склеились воедино, но привычной тяжести тела не было. Ни натёртой пятки, ни ломоты в спине, ни облупившегося лака на ногтях.

— Ты слишком рано сожгла резерв, — произнёс спокойный, чуть усталый женский голос.

Я обернулась. В пяти шагах от меня стояла женщина в простом белом платье, напоминающем скорее льняную тунику без единого шва. Тёмно-рыжие волосы, собранные в небрежный узел, острые скулы, знакомая складка между бровями. Когда она подошла ближе, я увидела её глаза — глубокие, зелёные, с тонким золотистым ободком вокруг зрачка.

Мои глаза. Только на двадцать лет моложе и без привычной складки иронии у губ.

— Айна, — не спросила, а констатировала я. — Моя предыдущая сборка.

Она коротко кивнула, без тени пафоса или мистического

тумана.

— Имя не важно. Важен контур. Ты сейчас на границе гипотермии, Мира, и у нас есть от силы три минуты, пока твоё тело там, на камнях, не остынет окончательно. Слушай и запоминай.

— Звучит как инструктаж перед прыжком с парашютом, — криво усмехнулась я, хотя здесь, в этой белой пустоте, даже усмешка ощущалась как простое намерение, без движения мышц. — Дай угадаю: я избранная, должна спасти мир и победить зло? Женщина посмотрела на меня почти с жалостью — той самой, с какой взрослый смотрит на человека, пытающегося вскрыть сейф пилочкой для ногтей.

— Нет. Никакого «добра и зла» нет. Есть замкнутый полигон — Игра. Системе нужна энергия, которую люди вырабатывают в страхе, в гонке за выживание, в вечной попытке заслужить право на жизнь. Когда кто-то начинает просыпаться и видеть код, его обнуляют, стирают память и запускают на новый круг. Двадцать два года назад я дошла до плато Укок. Я думала, что смогу сломать контур в лоб — ударить по нему всей силой.

— И?

— Система просто перегрузила мою оболочку и сожгла её изнутри, — тихо ответила она. — А тому, кто шёл со мной, оставила только пепел и вину. Потому что в одиночку против этой машины не выстоять. Нельзя победить систему её же оружием — силой и контролем. Можно только выйти из

игры. Перестать кормить её своим страхом. Она сделала шаг назад, и белое пространство вокруг неё пошло мелкой рябью, словно экран с плохим контактом.

— Не повторяй мою ошибку, Мира. Не тащи всё на себе. И не отталкивай его — он двадцать два года ждал не призрака из прошлого, а ту, которая сумеет выжить.

— Подожди! А как...

Белизна схлопнулась.

Первым вернулся запах — резкий, живой запах дыма от сухого можжевельника, мокрой шерсти и человеческого пота.

Потом вернулась тяжесть. Тело снова стало плотным, ноющим, но не ледяным — по рукам и ногам разливалось густое, тягучее тепло. Я с трудом разлепила тяжёлые веки.

Над головой нависал низкий, закопчённый свод скального козырька, закрывающий нас от метели. Снаружи завывал ветер, швыряя пригоршни сухого снега в крошечный, тщательно обложенный камнями костерок у самого входа.

Я лежала в коконе из двух застёгнутых друг с другом спальников, укрытая сверху тяжёлой брезентовой курткой Кая. А сам он сидел вплотную ко мне, привалившись спиной к скале и обхватив меня руками поверх спальника, прижимая к своей груди так крепко, словно боялся, что я снова начну ускользать.

Я пошевелилась, и он мгновенно вздрогнул.

Опустив взгляд, я увидела его лицо в неровном свете углей. Серые глаза покраснели и воспалились от бессонницы, кожа под ними потемнела, щетина стала совсем седой от инея, а на потрескавшихся губах запеклась кровь. Судя по тому, как высоко поднялась луна за скалой и насколько прогорели толстые ветки стланика у костра, прошли минимум сутки. Он не сомкнул глаз ни на минуту — топил снег, поддерживал огонь и грел меня собственным телом, чтобы не дать температуре упасть.

Кай посмотрел на меня — и в этом взгляде не осталось ни прежней жёсткой отстранённости, ни стены, за которую он прятался всю дорогу. Была только смертельная, выматывающая усталость и тихое, почти болезненное облегчение. — Вернулась, — выдохнул он хрипло, едва слышно. — Ну слава богу. А я уж думал, придётся тебя на себе вниз тащить.

В горле встал плотный, горячий ком. Я вдруг поняла, что вся моя аналитическая броня, сарказм и привычка держать дистанцию здесь, под этим камнем, не стоят ровным счётом ничего. Этот человек не обязан был меня спасать. Он мог уйти, бросить балласт на склоне, но вместо этого сутки держал меня на краю жизни голыми руками. — Дурак ты, Кай, — тихо прошептала я, высвобождая из-под спальника онемевшую руку и касаясь пальцами его холодной, колючей щеки. — Замёрз же сам. Без куртки. Он на секунду прикрыл глаза, прижавшись щекой к моей ладони, потом коротко выдохнул, потянулся к костру и взял закопчённую жестяную кружку.

— Пей. Тёплая.

Я сделала два маленьких глотка — вода пахла дымом и хвоей, но казалась слаще любого вина. Кай сидел рядом, не убирая руки с моего плеча, и, между нами, впервые повисла тишина, в которой не нужно было ничего объяснять или доказывать. Я подняла взгляд поверх его плеча, туда, где внизу чернело глубокое ущелье, по которому мы поднимались вчера.

И замерла.

Внизу, далеко у самой границы леса, в непроглядной темноте на три секунды вспыхнули три ровных, мертвенно-белых огонька — и тут же погасли. А в моём виске, отзываясь на этот холодный свет, сухо и чётко щёлкнула строка:

«Энергетический резерв: 28%. Внимание: внешний периметр пересечён. Обнаружено преследование».

Глава 8. Кристалл

Три белых огонька в ущелье внизу погасли так же внезапно, как и вспыхнули, но воздух мгновенно пропитался тем самым мертвящим запахом могильного холода и жжёной изоляции, от которого у меня на затылке зашевелились волосы.

Кай не сказал ни слова — только дёрнул подбородком в сторону крутого, обледенелого кулуара, уходящего вверх под углом градусов в сорок. Я молча сунула руки в спальник, помогла ему скрутить его в тугой валик и закинула на плечи свой городской рюкзак. Движения давались удивительно легко: ночной провал и сутки сна вернули телу плотность, а двадцать восемь процентов резерва после вчерашних трёх ощущались почти как полноценный отпуск.

Мы потушили угли горстью сухого снега и полезли вверх, вжимаясь в чёрную тень скалы.

Погода сыграла за нас. С перевала потянул низовой ветер, поднимая колючую белую позёмку, которая плотным саваном закручивалась вокруг щиколоток и за считаные секунды слизывала наши следы на насте. Подошвы ботинок скрежетали по обледенелому граниту, пальцы в перчатках немели на ветру, но мы шли в одном темпе — без суеты, без оглядки. После ночи под скальным козырьком между нами исчез-

ло последнее напряжение: Кай больше не проверял каждые пять минут, не свалилась ли я в сугроб, а я перестала ждать от него подвоха.

Через сорок минут подъёма в левом виске заныло — не больно, скорее настойчиво, как низкая струна контрабаса, которую задели в соседней комнате.

Я остановилась на узком карнизе, прижавшись спиной к ледяному камню, и прикрыла глаза. Вибрация тянулась не сверху и не снизу — она шла из глубины самой горы, строго влево, за огромный, похожий на расколотый клык скальный выступ.

— Туда, — хрипло бросила я, перекрывая свист ветра, и кивнула в сторону обрыва. — Метров сто. Там фонит так, будто под камнем электроподстанция зарыта. Кай на секунду сверился с потрёпанным блокнотом Серёги, зажатым в озябших пальцах, затем спрятал его за пазуху и коротко кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.